

АЛЕКСАНДР ИСАКОВ

Философ

Родился в 1957 году. Окончил в 1981 году философский факультет Ленинградского государственного университета. В 1990 году защитил кандидатскую диссертацию. Работает на кафедре философской антропологии Института философии СПбГУ с 1995 года. Автор названия и член жюри премии Санкт-Петербургского философского общества «Вторая навигация».

ФЕНОМЕН ВОЙНЫ: ИСТОРИЯ, ОБРАЗ, ЭКЗИСТЕНЦИЯ

Всякое философское размышление о войне сталкивается с проблемой своеобразного соотношения смысла и его отсутствия, которая исходным образом характеризует феномен войны в двух его фундаментальных измерениях. С одной стороны, война, как утверждается уже в трактате «Сунь Цзы», «есть великое дело для государства», и эта мысль проходит красной нитью через размышления Фукидида, Макиавелли, Фридриха Великого и Клаузевица. Иначе говоря, война есть нечто осмысленное для общества, если она политически целесообразна с точки зрения государства (понятно, что здесь исключением является гражданская война). Вспомним, например, подробное изложение дискуссии киркирян и коринфян в начале «Истории» Фукидида и её воздействие на общественное мнение Афин. С другой стороны, трудно отрицать экзистенциальную бессмысленность войны, выразительно представленную в великом романе Толстого: «Война... самое гадкое дело в жизни и надо понимать это»; «то страшное дело, которое совершается не по воле людей, а по воле того, кто руководит людьми и мирами».

Можно сказать, что исходная эйдетика данного феномена охватывает и соединяет осмысленность на коллективном безличном уровне

и её отсутствие в личном модусе бытия экзистенции. Таким образом, хотя бы в первом приближении становится понятна парадоксальная онтология данного феномена, — ведь обычно мы связываем экзистенциальную осмысленность именно с личным модусом экзистенции, а её отсутствие — с безличным. Парадоксальная онтология войны указывает на специфический предельный характер этого феномена для человека, когда сама экзистенциальная осмысленность и её истинность имеет вид негативного откровения, с позиции которого всякая коллективная осмысленность войны есть лишь исторически обусловленная иллюзия. Война в современном мире утратила ресурс политической целесообразности. Рассмотрим специфику личности военного деятеля как необходимую составляющую феномена войны на трёх примерах, взятых из отечественной истории.

История: три генерала

В отношении русской военной истории существует устойчивое стереотипное мнение, что сила русской армии состоит в мужестве или, как пишет один немецкий генерал, «в известном стоицизме» русского солдата, а вот с генералами дело обстоит неважно. Иначе говоря, «русские воюют тупо, но терпеливо», по выражению участника 1-й осады Севастополя французского маршала Канробера. Как всякий стереотип, указанное мнение имеет некоторое отношение к реальности, но, конечно, безусловной правдой не является. Как бы то ни было, плохие генералы не могут выиграть войну, а русские выиграли их немало. В качестве аргумента приведём истории трёх русских генералов, каждая из которых поучительна по-своему.

I. Иван Тимофеевич Беляев

Иван Беляев родился в 1875 году в семье потомственных военных, его прадед был секретарём фельдмаршала А. В. Суворова в итальянском походе 1799 года, отец — комендантом Кронштадтской крепости, двоюродный брат отца — военным министром; окончил Михайловское артиллерийское училище в 1893 году, выпущен в гвардию, но после женитьбы на девушке недворянского происхождения переведён в армейскую часть. В этой истории, которая существенно затруднила военную карьеру Беляева, наглядно проявили себя основополагающие черты его незаурядного характера: абсолютное бескорыстие и совершенная невозможность какого-либо предательства касательно другого человека или общего дела. Перед мировой войной молодой офицер-артиллерист продемонстрировал задатки

военного учёного, в результате шестилетнего труда составил устав горной артиллерии, который был принят военным министерством в качестве действующего практически без изменений. Во время Первой мировой войны Беляев командовал артиллерийской бригадой, стал георгиевским кавалером. Последнее звание в императорской армии — полковник, в 1917 году до октябрьского переворота произведён в генерал-майоры. В гражданскую войну был инспектором артиллерии в Кавказской армии Врангеля, с марта 1920 года — в эмиграции. Удивительным образом, именно вдали от родины наиболее полно и глубоко проявили себя выдающиеся военные и научные таланты генерала — в его деятельности на посту военного советника, а затем начальника генерального штаба парагвайской армии во время так называемой Чакской войны между Парагваем и Боливией 1932–1935 годов, самого крупного военного столкновения в истории Латинской Америки XX века. О специфической славе русского оружия на этой войне и пойдёт речь.

Иван Беляев прибыл в Асунсьон в 1924 году из Аргентины после неудачной попытки организовать там большую русскую колонию для беженцев Гражданской войны, — то, что он называл «Русский очаг». Президент Парагвая через своего военного министра предложил генералу повторить попытку у себя в стране, которая остро нуждалась в специалистах самого разного профиля, и особенно в военных, поскольку боливийцы при политической поддержке США начали строить укрепления в спорной пограничной зоне Чака-Бореаль, де факто захватывая её. Необходимо было провести тщательную рекогносцировку спорных территорий как возможного театра военных действий. Эта рекогносцировка и стала конкретным поручением для генерала от лица военного министерства Парагвая. Со своим заданием Беляев блестяще справился. Более того, кроме нанесения на карту дорог, тайных троп, источников воды и топографической съёмки мест, подходящих для строительства фортификаций, Беляеву удалось установить контакт с местным индейским населением. Он провёл интересные этнографические и антропологические исследования, а благодаря своим исключительным лингвистическим способностям впервые в истории Парагвая составил испано-индейский словарь для двух местных языков. Хотя в истории есть своя строгость, это не точное знание, т. е. историческое знание нельзя аксиоматизировать или обосновать посредством точного эксперимента в лаборатории. Однако бывают исключения, когда лабораторная ситуация возникает спонтанно, помимо нашей воли. Именно так произошло в случае с Чакской войной. Обеим сторонам конфликта для организации и боевого применения вооружённых сил требовались опытные профессионалы с надёжной репутацией. Таковыми в Южной Америке традиционно считались немцы, и Боливийское правительство

на американские деньги наняло 120 немецких офицеров, включая двух генералов. Существенно ограниченное в средствах парагвайское правительство обратилось через генерала Беляева к русским офицерам-эмигрантам, обещая расплатиться за их услуги в основном землёй. В результате в парагвайской армии оказалось около 80 русских офицеров, также включая двух генералов: И. Т. Беляева и бывшего генерала генерального штаба Н. Ф. Эрн. И немцы и русские заняли ключевые посты в армиях. Генерал Ганс Кундт стал главнокомандующим вооружёнными силами Боливии, генерал фон Клюг возглавил боливийский генштаб. В Парагвае начальником генштаба стал Иван Тимофеевич Беляев, а Николай Францевич Эрн возглавил штаб одной из парагвайских армий, которая воевала на самом опасном участке фронта (оборона Нанавы).

Сразу отметим, что основным преимуществом русских военных над немецкими на этой войне было то, что практически все они кроме опыта мировой войны имели большой опыт гражданской. Среди них было много донских казаков, а также офицеров «именных» полков добровольческой армии: дроздовцев, марковцев, корниловцев, — элиты белой армии. Поэтому военное мировоззрение «русских парагвайцев» оказалось более гибким и многомерным, чем у «немецких боливийцев». Выделим некоторые ключевые отличия. Немцы сделали упор на (1) закупке современного вооружения, прежде всего лёгкой и тяжёлой артиллерии со штатными средствами связи и авиации, в которой имели подавляющее превосходство, также было закуплено множество пулемётов и несколько танков; (2) организации воздушной разведки и корректировки огня с воздуха; (3) подготовке пехоты к массированным атакам на укрепённые позиции. Солдатам прививалась «психология победителей», чувство собственного превосходства над врагом. Русские готовили армию к обороне, что было естественно, учитывая численное и техническое превосходство противника (к началу боевых действий население Боливии составляло 2 млн. 150 тыс. чел., а Парагвая — 0,8 млн. чел.). Упор делался на тщательное изучение местности, дешёвые насыпные укрепления с маскировкой от воздушных разведчиков и создание массы ложных артиллерийских позиций, чтобы спровоцировать противника на напрасное расходование боеприпасов. Хорошо зная театр войны, Беляев понимал, что главной проблемой боливийской армии будет снабжение боеприпасами артиллерии, особенно тяжёлой. Из оружия Беляев предпочитал легкие 80-миллиметровые минометы, которые можно переносить на руках. Большое внимание также уделялось созданию партизанских диверсионных отрядов из местных индейцев. Для поднятия боевого духа Беляев лично перевёл некоторые русские военные песни на испанский язык, и его босоное воинство маршировало, распевая по-испански «Наши деды — славные победы» и «Как ныне собирается вещей Олег...».

Немецкое командование боливийской армии разработало генеральный план войны в духе знаменитого плана Шлиффена: прорыв обороны противника (у Шлиффена, правда, был обход, но тут местность не позволяла) и выход к реке Парагвай у города Консепсьон, а затем поворот на юг с задачей отсечь армию Парагвая от столицы и баз снабжения. Главным препятствием боливийскому наступлению служил хорошо укрепленный форт Нанава, обороной которого фактически руководил Николай Эрн. Здесь и развернулись основные события. Немецкие генералы два раза в январе и июле 1933 года бросали войска в массированные атаки на укрепления Нанавы и отступали с тяжёлыми потерями. Во второй раз потери только убитыми достигли почти 2 тыс. чел. Дело в том, что артиллерия парагвайцев не была подавлена, сыграли свою роль и искусные ложные позиции. Бойня у Нанавы, прозванная «чакским Верденом», стоила отставки Гансу Кундту, а в январе 1934 года военные отправили в отставку и президента Саламанку. Тем временем, перейдя в контр наступление, парагвайцы окружили и фактически уничтожили 2 дивизии противника. Были захвачены 7 тыс. 500 пленных и много трофейного оружия: 8 тыс. винтовок, 536 пулемётов, 45 орудий. С большим трудом боливийская армия, чей моральный дух значительно упал, смогла остановить парагвайское наступление, однако в ноябре 1934 года боливийское командование проглядело талантливый фланговый манёвр молодого парагвайского командующего Хосе Феликса Эстагаррибии. Боливийская армия понесла очередное тяжёлое поражение, 4 тыс. солдат попало в плен, деморализация армии прогрессировала.

«Психология победителей» в конце концов сыграла с боливийцами злую шутку. Она помогла формировать уверенные в себе элитные подразделения, но они были обескровлены ещё в атаках у Нанавы. Для вновь мобилизованных и наскоро обученных солдат она оказалась непосильной ношей и только способствовала развитию психологического кризиса. В 1935 году военные действия были перенесены на территорию Боливии, но в марте было заключено перемирие в виду крайнего истощения сторон. Боливия фактически признала своё поражение, по мирному договору 1938 года три четверти спорных территорий Чаки перешло к Парагваю. Генерал Беляев и его офицеры стали национальными героями, в их честь названы улицы и один город — Фортин-Орефьефф. Любопытно, что в военном музее в Асунсьоне среди экспонатов, посвящённых Чакской войне, выставлена деревянная дощечка, найденная в боливийском окопе, на ней надпись по-испански примерно такого содержания: «Если бы не эти проклятые русские, вас, голодранцев, давно бы уже утопили в Парагвае». Своеобразный комплимент военному мастерству и бескорыстному мужеству бывших корниловцев, марковцев и дроздовцев. Иван Беляев после войны ушёл в отставку и занимался борьбой за права и экономическое

благосостояние индейцев, за что те прозвали его Белый Отец. Скончался генерал 19 января 1957 года. Президент Альфред Стреснер, который воевал лейтенантом на Чакской войне, объявил в стране трёхдневный национальный траур. Прах генерала Беляева покоится в Асунсьоне в пантеоне национальных героев.

II. Александр Андреевич Свечин

Александр Свечин (17(29) августа 1878 — 29 июля 1938) — один из наиболее талантливых русских военных теоретиков и историков военного дела, генерал-майор Генерального штаба (1916). Окончил Академию Генштаба в 1903 году. Участвовал в русско-японской войне командиром роты и штабным офицером. После войны занимался научной и преподавательской работой. Входил в так называемую группу «младотурок» (Н. Н. Головин и др.), выступавшую, с одной стороны, против министерского официоза Сухомлинова, а с другой — против узко понимаемой национальной военной доктрины (А. Г. Елчанинов, А. К. Баиов и др.). В позитивном плане группа ориентировалась на теоретические достижения немецкой военной мысли. Во время Первой мировой войны Свечин командует полком, дивизией, с июля 1917 года — начальник штаба 5-й армии. После развала императорской армии добровольно взял на себя ответственность за судьбу её остатков, приняв пост начальника Всероглавштаба. В Гражданской войне участия не принимал, занимал должность председателя Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 годов. В 1920-е годы Свечин — признанный интеллектуальный лидер военной профессуры Академии им. Фрунзе и Академии Генштаба, сплотивший вокруг себя группу единомышленников: Снесарёв, Морозов, Топорко, Горев и др. Свою задачу группа видела в выработке новой военной доктрины, отвечающей современному состоянию военной науки и новому положению страны в мире. В своих работах того времени, и в первую очередь в фундаментальном труде «Стратегия», Свечин наглядно проявил свой незаурядный дар военного учёного. Отметим несколько его тезисов.

По мнению Свечина, эффективность военной доктрины, во-первых, определяется правильным пониманием характера будущей большой войны. Во-вторых, теория стратегии не может замыкаться в изучении облюбленной доктрины, а должна позволить проникнуть в тактическое, оперативное и стратегическое мышление возможных противников. В-третьих, теория стратегии исследует основы гармонизации подготовки к войне и ведения военных действий вообще. Военная доктрина должна давать конкретные указания о линии гармонизации, отвечающей данным

условиям, и является не теорией военного искусства, а теорией какого-то конкретного плана войны. Иначе говоря, теория стратегии должна (1) угадать характер будущей войны в самом общем виде; (2) разгадать возможный план противника, объективно обусловленный сложившимися обстоятельствами; (3) предложить свой план достижения победы, оптимальный при данных условиях. В своей «Стратегии» и других работах Свечин дает развёрнутый ответ по всем трём пунктам. С его точки зрения, советскую Россию ожидало превентивное нападение союза западных держав, ударной силой которого будет немецкая армия. Исходя из этого, доктрина должна быть безусловно оборонительной, ориентированной на изматывание противника. Основная стратегическая идея — глубокое отступление русской армии в междуречье Западной Двины и Днепра с последующим контрударом по выдвинутому флангу противника, который может быть севернее (что наиболее вероятно) или южнее Припятских болот. Фактически в 1924 году Свечин описывает реальность августа 1941 года, с той только разницей, что не русская армия, а немцы нанесли фланговый удар из своего выдвинутого положения. В целом, в «Стратегии» и в других работах 1920-х годов Свечин описал немецкую идею «блицкрига» и указал оптимальное оперативное решение этой проблемы. По сути, это была выдающаяся интеллектуальная победа русского военного мыслителя над своими немецкими коллегами. К сожалению, это была утраченная победа. Именно оборонительный характер доктрины был поставлен Свечину в вину, когда после смерти Фрунзе началась чистка военной профессуры.

М. Н. Тухачевский в своём выступлении «О стратегических взглядах проф. Свечина» сказал: «Интервенция может угрожать СССР, и по Свечину это научно законно. Но капиталистические соседи СССР должны быть спокойны — СССР их не следует трогать! В этом смысле стратегическая теория Свечина объективно безусловно является составным звеном во всей подготавливаемой против нас интервенции, в подготовке поражения Советского Союза, нашей Красной Армии». В 1930 году Свечину было запрещено преподавать и выступать в печати с научными работами. Однако в 1935 году в серии ЖЗЛ под его авторством выходит биография Карла Клаузевица, в которой, используя героя в качестве маски, Свечин отстаивает ту же идею глубокого стратегического отступления, как единственно возможную для России в случае большой войны с союзом европейских государств. Нетрудно понять, что в образе Клаузевица, военного интеллигента и патриота, не раз рисковавшего карьерой и жизнью ради нематериальных ценностей, Свечин видит воплощение того идеала, которому он следовал всю жизнь.

В 1938 году Свечина расстреляли.

III. Василий Тимофеевич Вольский

В отличие от Беляева и Свечина, Василий Вольский (22 марта 1897 — 22 февраля 1946) не был царским офицером. Его призвали в императорскую армию в 1916 году, он воевал рядовым, был ранен. С 1919 года — в Красной Армии, участвовал в гражданской войне. В июне 1940 года ему одному из первых было присвоено звание генерал-майора танковых войск. С октября 1942 года он командует 4-м мехкорпусом. На завершающем этапе войны Вольский успешно командует 5-й гвардейской танковой армией (август 1944 — март 1945) до своего отпуска по болезни. Всю войну Вольский прошёл тяжело больным, и в феврале 1946 года его не стало. В истории ВОВ с его именем связаны прежде всего два события. Это, во-первых, его письмо Сталину перед началом наступления под Сталинградом, и, во-вторых, то, что ему самому пришлось опровергать на деле сомнения, которые он высказал в своём письме. О содержании письма известно из воспоминаний маршала А. М. Василевского, который так передаёт его суть: «Комкор писал в ГКО, что запланированное наступление под Сталинградом при том соотношении сил и средств, которое сложилось к началу наступления, не только не позволяет рассчитывать на успех, но, по его мнению, безусловно обречено на провал со всеми вытекающими отсюда последствиями и что он как честный член партии, зная мнение других ответственных участников наступления, просит ГКО немедленно тщательно проверить реальность принятых по операции решений, отложить её, а быть может, и отказаться от неё совсем»¹. Обращает на себя внимание отсылка к мнению «других ответственных участников...». Кто эти «другие»? К сожалению, история этого письма — одно из белых пятен исторической науки о ВОВ. Выскажем здесь своё предположение. Не вызывает сомнения, что Вольский мог писать Сталину только о том, в чём был действительно уверен и что хорошо знал. Перед войной он был заместителем начальника Военной академии механизации и моторизации РККА им. Сталина. Во время войны занимал посты заместителя генерал-инспектора Главного автобронетанкового управления, потом — заместителя командующего Крымским и Северо-Кавказским фронтами по танковым войскам (апрель–сентябрь 1942).

Соответственно Вольский хорошо знал проблемы наших бронетанковых войск, которые с середины 1942-го года создавались в спешном порядке, и их количество часто росло в ущерб качеству. Так, наши танковые корпуса формировались по модели немецкой танковой дивизии. Количество танков и личного состава примерно совпадало, но в реальной боевой практике их ценность была весьма различна. Типичный пример — бои на реке Чир

¹ *Василевский А. М. Дело всей жизни. Воспоминания. Кн. 1. 6-е изд. М., 1988. С. 249.*

в ходе той же Сталинградской операции. 5-я танковая армия, имея в своём составе два танковых и один кавалерийский корпуса, отдельную танковую бригаду и шесть стрелковых дивизий, не смогла прорвать оборону противника и фактически потерпела поражение от 48 танкового корпуса немцев в составе одной пехотной дивизии, одной авиаполевой и лишь одной танковой. Когда командира этой дивизии генерала Балька спросили, в чём причина его успеха, он ответил, что, по его мнению, у русских экипажи танков вряд ли вообще проходили какую-либо совместную подготовку. Нетрудно предположить, что сомнения, высказанные в письме, относились главным образом к невысокой боеспособности наших бронетанковых соединений, которым отводилась решающая роль в предстоящем наступлении, и весьма вероятно, что другие генералы-танкисты эти сомнения разделяли. Инцидент с письмом, согласно Василевскому, закончился коротким разговором Сталина с Вольским по телефону, в котором Василий Тимофеевич дал слово, что корпус выполнит поставленную задачу. Генерал своё слово сдержал: 24 ноября в четыре часа дня 4-й мехкорпус Сталинградского фронта в районе хутора Советский соединился с 4-м танковым корпусом Юго-Западного фронта генерала А. Т. Кравченко, — кольцо замкнулось.

Корпус Вольского прошел с боями более 90 км. и на начало декабря имел в своём составе около 70 танков (половина Т-34, половина Т-70) и 2 тыс. бойцов, в то время как главный его бой был ещё впереди. 12 декабря 1942 года вновь созданная немецкая группа армий Дон во главе с фельдмаршалом Э. Манштейном нанесла деблокирующий удар силами армейской группы «Гот». Основной ударной силой немцев была единственная полностью укомплектованная 6-я танковая дивизия (158 танков и 40 САУ), которой командовал генерал Раусс. Силы дивизии были разделены на четыре боевые группы: три мотопехотные и одну танковую во главе с командиром танкового полка дивизии полковником Гюнерсдорфом, немцы предпочитали использовать танки наиболее концентрированным образом. На второй день наступления группа Гюнерсдорфа, переправившись через реку Аксай Есауловский, захватила важный узловый пункт — хутор Верхне-Кумский. Создалась реальная угроза прорыва группы «Гот» в осаждённый Сталинград, поскольку следующий и последний водный рубеж — река Мышкова — ещё не был занят советскими войсками.

В этой критической ситуации Вольский получает приказ командования фронта атаковать левый фланг немецкой группировки. 14 декабря 4-й мехкорпус завязывает бой на подступах к Верхне-Кумскому, не давая немцам возможности развить наступление. 15 декабря с севера к хутору подходят наши части из резерва фронта — 1378-й стрелковый полк из состава 87-й стрелковой дивизии. Совместная атака полка и мехкорпуса заставила противника эвакуировать хутор. Атака немцев 16 декабря была отбита

за счёт хорошо организованной противотанковой обороны. К этому времени подошла 20-я отдельная истребительная противотанковая бригада. 17 декабря Вольский принимает нетривиальное решение. Вот что пишет участник боёв В. С. Крысов: «В этой неравной битве талантливым полководцем проявил себя комкор Василий Тимофеевич Вольский. Из своих достаточно скудных ресурсов он исхитрился выделить 30 танков, полк пехоты и отправил нас за Аксай Есауловский в тыл к немцам, чтобы создать видимость окружения и вынудить противника занять круговую оборону». Внутри хутора у Вольского осталось только 10 танков. Их возглавил старший лейтенант Сергей Орлов, опытный танкист, в начале войны — инструктор минского танкового училища. Благодаря умелому маневрированию оборона Верхне-Кумского держалась ещё сутки. В это время 2-я гвардейская армия развернулась на реке Мышковой, кроме того, разгром итальянской армии заставил Манштейна вывести 6-ю танковую дивизию из состава группы «Гот», — угроза деблокирования окружённой группировки фактически была снята.

Известный немецкий генерал Меллентин (в то время начштаба 48-го танкового корпуса) так оценивает усилия корпуса Вольского и приданных ему частей: «Не будет преувеличением сказать, что битва на берегах этой безвестной речки (Аксай Есауловский. — *А. И.*) привела к кризису третьего рейха, положила конец надеждам Гитлера по созданию империи и явилась решающим звеном в цепи событий, предопределивших поражение Германии»². Наверное, это всё же будет некоторым преувеличением, но не слишком большим. О чём нам говорит случай с Вольским? Мы полагаем, что на его примере становится особенно очевидна сложность личности настоящего военного деятеля. С одной стороны, он должен знать и критически оценивать реальность, а следовательно, ему присуще сомнение ответственного исследователя, что отчётливо выражено в критическом письме Сталину. Но с другой стороны, в исключительно упорных, действительно решающих успех всей операции боях за хутор Верхне-Кумский тот же генерал действует без оглядки на какие-либо сомнения, использует малейшие возможности и принимает весьма рискованные решения, демонстрируя абсолютную уверенность в своих подчинённых.

Сделаем общий вывод. Война — это не просто жестокая реальность, но и очень сложное, многомерное событие, которое предъявляет и обществу, и личности многообразные и часто противоречивые требования. Поэтому личность настоящего военного человека — редкое явление. Военный деятель, во-первых, должен обладать пытливым учёным, поскольку облик войны постоянно меняется, и нужно уметь увидеть его

² Меллентин Ф. Бронированный кулак вермахта. Смоленск, 1999. С. 285–286.

каждый раз по-новому, «угадать характер будущей войны», как писал Свечин. Во-вторых, военный деятель должен уметь в самых трудных обстоятельствах повести людей за собой, и поэтому должен быть в некотором смысле идеалистом, подобно Беляеву, который увлѣк белогвардейских офицеров идеей «Русского Очага», а для индейцев вообще стал сакральной фигурой Белого Отца. В-третьих, в решающий момент настоящий военный, подобно Вольскому, должен отбросить собственные, пускай даже обоснованные сомнения, поскольку на войне действительна только одна философия — у победы нет альтернативы. И последнее: победа русских генералов над немецкими не представляется чем-то странным и случайным, но очевидно также, что если бы такими генералами, как Вольский, руководили люди, обладающие военной культурой поколения Беляева и Свечина, которым не нужно было учиться у врага на поле боя, цена победы была бы совершенно иной.

Образ войны

Обратимся теперь к отображению феномена войны в сфере художественной рефлексии. Отметим прежде всего, что «смысл войны» как историческая иллюзия существенным образом опирается на силу воображения, иначе говоря, на суггестивную силу образа войны, захватывающую сознание индивида помимо его воли. Нужно, видимо, согласиться с Ж. Лаканом в том, что центральным архетипическим образом войны является изображение всадника. Этот образ устойчиво повторяется во все исторические эпохи (до тех пор, пока кавалерийские части не превратились в танковые), его иконографическая востребованность уникальна в своей универсальности. В этом контексте представляется весьма интересным сравнить две польские батально-исторические картины, написанные на один сюжет: «Грюнвальдскую битву» баталиста Войцеха Коссака и одноимѣнную картину Яна Матейко.

У Коссака действие разворачивается по диагонали. Справа сверху — поляки, слева внизу — немцы. У польских рыцарей лица открыты, у большинства немецких на голове шлемы-«бацинеты», которые называли «собачьими мордами» из-за выдвинутого вперѣд забрала для защиты челюсти (отсюда, кстати, идет распространѣнное выражение о рыцарях ордена — «псы-рыцари»). В центре картины схватка всадников, польский рыцарь с молодым безусым лицом поражает немецкого со знаменем. Знамя с чѣрным орлом накренилось влево и вот-вот упадет. Рядом изображѣн польский знаменосец, белый орѣл на хоругви которого повернут на 90 градусов тоже влево. Создается полное впечатление, что сейчас

Войцех Коссак. Грюнвальд. 1931. Музей Войска Польского. Варшава

белый польский орёл заклюёт чёрного немецкого. Всё действие в целом подчинено единообразному героическому пафосу, — совершенно очевидно, чья сторона берёт верх и на чьей стороне моральное превосходство, ни одна фигура не выпадает из этого символического порядка и не противопоставляется ему. Отметим, что картина писалась Коссаком в 1931 году, во время его пребывания в США, как мастер-класс для американских художников-баталистов.

На огромном полотне Матейко (1878) — 9,6 м. в ширину и 3,9 м в высоту — действие организовано по вертикали. Немцы занимают левую и правую части картины, поляки — центр, под небольшим углом их войско движется на зрителя. На общем тёмном фоне в самом низу по центру светится золотое пятно, это поверженный рыцарь ордена в белом плаще, а на его коне белая попона. Выше, в центре всего действия, красная фигура Витовта, Великого князя литовского. Вокруг этой фигуры разворачивается масса боевых эпизодов: слева (с точки зрения зрителя) татарин и литовец атакуют магистра ордена; справа татары заарканили комтура (2-е лицо в иерархии ордена); выше, по центру, идёт схватка за орденский штандарт. Почти

все лица на картине открыты, многие тщательно прописаны, и мы видим многообразие эмоций — страх, гнев, решимость, — характерных для героического действия, изображённого вполне реалистично. Однако, в отличие от Коссака, на картине Матейко есть важный контрапункт, открывающий как бы иное символическое измерение, противоположное унитарному героизму общего действия. Этим контрапунктом выступает центральная фигура Витовта, в красном жупане поверх лат и с красной княжеской митрой на голове вместо шлема. Вороной конь князя совершает бешеный скачѣк через поверженного рыцаря, его копыта высоко подняты, в то время как всадник не держит поводья, обе руки его также подняты, правая с мечѣм, левая со щитом, и вообще вся поза красного всадника противоположна динамике его коня — первое впечатление, что он стоит на месте. Это впечатление усиливает выражение лица князя — оно абсолютно спокойно, такое выражение уместно скорее в храме во время молитвы, чем среди хаоса битвы.

Ян Матейко. Грюнвальдская битва (фрагмент). 1878. Национальный музей. Варшава

У зрителя невольно возникает вопрос: куда обращѣн отрешѣнный взгляд князя и что он видит? И на картине есть ответ. Завершая еѣ вертикальное строение, Матейко поместил на затянутое тучами небо изображение небесного покровителя Польши — святого Станислава. Его освящѣнная как бы «иным солнцем» коленопреклонѣнная фигура благословляет

победу польского оружия уже не просто как подвиг героев, о чём говорит нам батальное полотно Коссака, а как несомненную эсхатологическую истину, которая так или иначе должна была исполниться в истории польского народа, но произошла именно здесь и сейчас, 15 июля 1410 года. Именно пониманием значимости момента наполнен обращённый к зрителю взгляд Великого князя. Используя аппарат теории К. Юнга, можно сказать, что всадник как архетипический образ войны на полотне Матейко раскалывается по линии оппозиции героической самости (конь) и самости как абсолютной личности (всадник), что позволяет художнику на фоне героической иллюзии батальной сцены предъявить зрителю дорогую ему идею польского мессианизма, которая и является здесь подлинно смыслообразующей.

Художественное мировоззрение Коссака представляет собой иную ипостась польского национального самосознания. Война для него есть жестокая стихия, формирующая национальный характер народа, высшим типом которого является личность воина. Всё творчество талантливого художника проникнуто искренним восхищением польским военным словом, это бесконечная «Уланская рапсодия» и непрерывный «Апофеоз войска польского». Конечно, в таком взгляде на войну есть черты инфантильно-романтического характера, но в нём есть и своя правда, отображающая ту онтологическую парадоксальность феномена войны, о которой говорилось во введении. Повторим ещё раз: война как дело государства, как политическая целесообразность, в предельном случае не имеет экзистенциального оправдания. Но с другой стороны, с феноменом войны независимым образом связана воля к победе. В этом суть своеобразного исторического парадокса. Войны нельзя начинать, но их и нельзя проигрывать. И с этой точки зрения война требует и сама формирует сложный тип личности военного деятеля, способного повести за собой людей не силой героической иллюзии, которая всегда чревата разочарованием, но силой своей свободной самости. Именно такой личностью на картине Матейко предстаёт князь Витовт. Обратим внимание, что и у Толстого слова о войне как о самом гадком деле в жизни принадлежат князю Андрею, т. е., по сути, идеальному воину. Остановимся на этом моменте подробнее и рассмотрим представление войны на двух примерах из русской литературы.

Инстинкт и откровение

Попробуем ещё раз помыслить сложность феномена войны, соединяющего в себе личное и коллективное, сознание и бессознательное, обратившись к его отображению в художественном опыте, на этот раз

в его наиболее развитой литературной форме. Нам представляется весьма показательным сопоставить художественные манеры представления войны в двух великих отечественных романах, а именно в «Тихом Доне» М. Шолохова и «Войне и мире» Л. Толстого. Манеру «Тихого Дона» предварительно можно определить как антропологическую, в центре романа — изображение оригинальной формы жизни донского казачества, уникального воинского сословия, обладающего выдающимися военными качествами, но обладающего ими бессознательно в виде так называемого «казачьего инстинкта», специфического продукта многовековой жизни казаков на войне и ради войны. В романе Толстого инстинктивный план также присутствует, но акцент делается на моментах неожиданных экзистенциальных открытий героя (Николай Ростов), сбивающих его с толку и превращающих реальность войны в нечто непонятное. Рассмотрим оба способа художественного представления войны немного подробнее.

1. У Шолохова тема «казачьего инстинкта» представлена как цепь эпизодов воинской инициации главного героя, Григория Мелехова, казачий инстинкт как бы шаг за шагом пробуждается в нём. Выделим здесь наиболее существенные моменты.

1.1. 1914 год. Первый бой Григория. Подчиняясь коллективной стихии боя, он совершает по сути бессмысленное убийство безоружного австрийского резервиста. В результате «гнусь и недоумение комкали душу».

1.2. Григорий постигает казачью мудрость: «Человека руби смело. Мягкий он, человек, как тесто... Ты — казак, твое дело — рубить, не спрашивая».

1.3. Схватка с венгерским офицером. Бой профессионалов. «Он (венгр. — А. Н.) расстрелял в Григория револьверную обойму и выхватил палаш. Три сокрушительных удара он, как видно искусный фехтовальщик, отразил играючи. Григорий, кривя рот, настиг его в четвёртый раз. Привстав на стременах, он обманул бдительность венгерца ложным взмахом и, изменив направление удара, пырнул концом шашки, второй удар нанёс в шею, где кончается позвоночный столб...».

1.4. 1919 год. Гражданская война. Григорий во главе лавы повстанцев. «От момента, когда он выпускал лошадь, и до того, пока дорывался до противника, был неуловимый миг внутреннего преобразования. Разум, хладнокровье, расчётливость, — всё покидало Григория в этот страшный миг, и один *звериный инстинкт* властно и неделимо вступал в управление его волей». В этом же эпизоде мы впервые в романе узнаём, что Григорий был переученным левшой и одинаково владел обеими руками. «В атаке Григорий пользовался всегда с неизменным успехом этим преимуществом. Он вёл коня на выбранного противника, как обычно все, заходя слева,

чтобы правой рубить... И вот, когда до противника оставался каких-нибудь десяток сажень... Григорий крутым, но мягким поворотом заходил справа, перебрасывая шашку в левую руку. Обескураженный противник меняет положение, ему неудобно рубить справа налево... Григорий рушит страшный по силе, режущий удар с потягом». Здесь Шолохов даёт описание совершенного убийства одним ударом как завершение антропологической эволюции «казачьего инстинкта» в конкретном индивиду.

2. В романе Л. Толстого перед нами проходит военная карьера Николая Ростова. В начале романа он юнкер, в конце — подполковник «на первой вакансии полкового командира», но всего два раза мы видим его активным участником боевых эпизодов, а именно двух кавалерийских атак. Остановимся на этом.

2.1. 1805 год. Шенграбен. Гусарский полк Ростова идёт в атаку, под ним убита лошадь, сам Николай контужен в руку. Он видит бегущих к нему французов и отказывается верить в ужасную реальность. «Кто они? Зачем они бегут? Неужели ко мне?.. И зачем? Убить меня? *Меня*, кого так любят все?». Простая мысль, что его могут убить, становится в описании Толстого ужасным экзистенциальным откровением для героя. Вместе с ним к Ростову приходит сознание, что на войне что-то не так: «Что-нибудь не так, подумал он, — не может быть, чтоб они хотели убить меня».

2.2. 1812 год. Бой под Островной, первый значительный кавалерийский бой Отечественной войны. Ростов — штаб-ротмистр — видит, как французские драгуны атакуют наших улан. «Он чутьём чувствовал, что, ежели ударить теперь с гусарами на французских драгун, они не устоят». Не спросив разрешения начальства, Ростов ведёт эскадрон в победоносную атаку и получает за свой подвиг награду. Но при этом, Николай не может забыть испуганное лицо французского офицера, которого он ранил и сбил с лошади. «„Так они ещё больше нашего боятся!“ — думал он. — „И в чём он виноват с своею дырочкой и голубыми глазами? А как он испугался! Он думал, что я убью его. За что ж мне убивать его? У меня рука дрогнула. А мне дали Георгиевский крест. Ничего, ничего не понимаю!“». Ростова опять настигает тревожное, хотя и смутное сознание того, что война — это не геройство и доблесть, а неправильное действие, которому нет человеческого оправдания.

Обратим внимание, что Ростов — потомственный военный, и война для него — это в первую очередь долг защиты отечества, и тем не менее наряду с этим знанием ему открывается экзистенциальная неоправданность войны как убийства. В отличие от князя Андрея, Ростов не может соединить это двойное знание о войне в цельное мировоззрение. Война остаётся для него, как нравственно здорового, честного человека, мучительным парадоксом человеческого бытия.

С нашей точки зрения, на основании тестов М. Шолохова и Л. Толстого можно выделить три экзистенциальных позиции, в которых реализуется феномен войны.

1. Григорий Мелехов. — Я то, что я делаю, и *ЭТО* война.

2. Николай Ростов. — Что же я делаю? Но я делаю *ЭТО*, непонятно почему.

3. Князь Андрей. — В данный момент времени у меня нет иной возможности, кроме этой, и *ЭТО* война. Но я не то, что я делаю.

Можно сказать, что позиции «1» и «3» представляют собой две стратегии овладения феноменом войны: «1» — со стороны бессознательного, инстинктивного начала; «3» — со стороны сознания и экзистенциальной осмысленности. С точки зрения военных обе стратегии приемлемы и практически равнозначны, поскольку могут успешно вести к победе, но с точки зрения общества они крайне амбивалентны, общество не заинтересовано в «людях войны» в мирное время, и тем более в тех, кто не верит в моральный авторитет общественной субстанции и её цели. Охарактеризуем все три позиции ещё раз несколько более подробно.

1. Война есть то, что я делаю; феномен войны есть основа моей экзистенции, и в этом выражается моя уникальность как того, кто владеет субстанцией войны, а не претерпевает её.

2. Война — мучительный парадокс человеческого бытия, но поскольку он изначально принадлежит общественной реальности, я готов принять его на себя как часть коллективной вины. (Нетрудно заметить, что общество заинтересовано именно в этой позиции, где феномен войны принципиально связан с коллективной виной.)

3. Я не признаю общественную целесообразность войны, но принимаю её необходимость как внешнего для субстанции общества фактора (т. е. как данность), и при этом я мыслю эту необходимость в особом измерении разрыва экзистенции и смысла, где сам этот разрыв становится источником специфического откровения моей свободы — «Я не то, что я делаю». Иначе говоря, для меня «смысл» войны в том, что у неё нет смысла.

Укажем ещё раз на тройную парадоксальность феномена войны.

Онтологический парадокс: война осмысленна на уровне сообщества и бессмысленна в личном модусе бытия экзистенции.

Исторический парадокс: войны нельзя начинать (нет рациональных оснований), но их и нельзя проигрывать (отсюда потребность в военном сословии, по сути, весьма архаичном для современного общества).

Этический парадокс: повторяя слова апостола, на войне я делаю то, что ненавижу, но и общественная, и воинская мораль оправдывают мои действия.